

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Маг полуночи

Свиток желаний

Третий всадник мрака

Билет на Лысую Гору

Мечь валькирий

Тайная магия Депресняка

Лёд и пламя Тартара

Первый эйдос

Светлые крылья для тёмного стража

Лестница в Эдем

Карта хаоса

Ожерелье дриады

Стеклянный страж

Танец меча

Огненные врата

Книга семи дорог

Ладья света

Ошибка грифона

Самый лучший враг

Как только человека перестает ра-
довать живое, он становится мертвым.

Книга Мрака

Свету совсем не обязательно воз-
давать Мраку злом за зло. Достаточно
просто вернуть ему его же собственное
зло. Хотя бы десятую часть.

Книга Света

Всякое дело, совершенное с любо-
вью, живет и существует ВЕЧНО. Без
исключения. Даже если это просто са-
молетик, сделанный из бумаги, кото-
рый упал в пруд и у вас на глазах уто-
нул. Объяснить почему — не умею. Но
чувствую, что живет.

Ирка. Дневниковая запись

Глава 1

«РЕКЛАМНЫЙ ВЫЮНОША»

Свет дает все постепенно. Просишь яблоню — получаешь семечко. Прорастишь — вот она, твоя яблоня, благодарная твоим рукам и связанная с тобой навеки. Не прорастишь — тогда и взрослое дерево загубил бы, получи его сразу.

Эссиорх

Острое счастье — это когда после новогодней елки стоишь в очереди за подарком, а твоя пятнистая шуба из ненастоящего барана бежит по мозаичному полу пристегнутыми на резинки перчатками. Шлеп-шлеп! — красные перчатки бегут, широко расставляя пальцы. Кажется, что шуба переставляет смешные утиные ноги. Шлеп-шлеп! — бегут утиные ноги счастья.

Автобус остановился, и Меф, несильно боднув лбом стекло, проснулся. Последние дни ему часто

Дмитрий Емец

снилось детство. Сны всегда были яркие, радостные. После пробуждения они не смазывались, а надолго оставались в памяти. Просто бери кисть и пиши.

Сны приходили к Мефу не только ночью, но и всякий раз, когда он случайно засыпал. Как-то это случилось на ящиках в «Пельмене», куда он присел на пять минут, дожидаясь, пока Маркелов сообразит, почему не запускается лента погрузчика. Не запускалась же она потому, что между вращавшими ее зубцами Памирджанов хранил свое ведро с дезинфицирующим раствором, которое в любом другом месте моментально переворачивали.

Двери с шипением открылись. Салон засуетился, зашумел и стал опустошаться. Зевая, Буслаев вышел из автобуса.

Пригородный гипермаркет походил на гигантскую коробку. Вокруг застраивался микрорайон. Громадные краны поворачивались медленно и ритмично, как ключики в заводных игрушках.

Меф стоял на асфальтовом поле, расчерченном на множество одинаковых клеток. Это были бесконечные парковки, отгороженные друг от друга рядами молодых одновозрастных березок. Вид березки имели солдатский и весьма бравый.

Меф уже с месяц собирался купить удобную сумку через плечо и подарок матери на день рождения, и вот сегодня все к этому располагало.

Кроме зарплаты выдали неожиданную надбавку, и получилось, что жизнь отрезала щедрый ломоть бытового счастья.

Дафны с Мефом не было. Хотя Буслаев и просил, чтобы их всегда ставили вместе, смены регулярно «разъезжались». Сегодня Даф работала в «Пельмене», где вокруг наверняка приплясывал назойливый Памирджанов, для которого слово «нет» было бессмысленным сочетанием трех не вошедших в алфавит буковок. Зато когда смены Мефа и Памирджанова совпадали, Памирджанов запирался в туалете. Хоть он и плохо понимал слово «нет», зато хорошо соображал, что такое левой в печень, а правой в солнышко. Или двойное солнышко с левой — тоже пробивает на ура.

С Дафной у Мефа все было хорошо. Даже пугающе отлично. Правда, все эти полтора месяца, прошедшие после сплава по Сереже, он ощущал хрупкость и непрочность их счастья. Ему казалось, счастье взято у кого-то взаймы и этот кто-то вот-вот подойдет и многозначительно кашляет, напоминая, что пора возвращать долг. Это чувство — хрупкости и непрочности — отравляло радость, но оно же делало ее светлой и пронзительной.

— Только бы тебя у меня не украли! — сказала позавчера Даф и сама, казалось, испугалась своих слов.

Дмитрий Емец

— Меня у тебя? — не понял Меф. — И как меня украдут? По башке, в мешок — и на органы?

Дафна посмотрела на него с укором. Буслаев обожал говорить шокирующие вещи. Точнее, пытался, потому что человек способен огорчить стража Света только своей глупостью и неискоренимым желанием навредить самому себе.

Не желая продолжать тему, Дафна наклонилась и подняла с асфальта красный кленовый лист:

— Заметил? Кленовый лист похож на человеческую ладонь. У него тоже пять пальцев и много жилок.

— Что, правда? — усомнился Меф.

Некоторое время он разглядывал кленовый лист, придирчиво сравнивая его с рукой Дафны, даже наложил лист на ладонь, после чего уверенно сказал:

— Твоя симпатичнее! Если бы вместо рук у тебя торчали листья — мне это нравилось бы значительно меньше. Опять же опадающие осенью руки — это как в фильме ужасов. Идешь — повсюду руки валяются. Брр!

Даф вздохнула. Надо смотреть на вещи трезво. Все-таки Меф не романтик. От романтика у него только длинные волосы и способность влипнуть в истории.

Буслаев вошел в гипермаркет и был сразу затоплен ярким светом, громкой музыкой, мелькав-

шими на мониторах картинками и деловитыми щелчками кассовых клавиатур. Полки уходили в бесконечность.

Это было настоящее царство Бессмертника Кощеева, который отморозил копчик, сидя на сундуках с золотом, и надумал наконец пустить денежки в дело. Здесь можно было купить все, за исключением, наверное, самолета. Но если очень постараться, то можно было купить и самолет.

Меф прошел через воротца и стал срезать, спеша миновать секции продуктов и поскорее оказаться в отделе сумок и рюкзаков. Странная закономерность: когда вещей вокруг слишком много, глаза не разбегаются, а, напротив, собираются в кучку и ничего не желают замечать.

Мельком Меф прикинул, хотел бы он, чтобы все эти вещи стали его собственностью, и понял, что скорее нет, чем да. Пиковое счастье — это поздний вечер накануне дня рождения, когда засыпаешь, зная, что утром будут подарки, но еще не получил их.

Если человеку дать все, о чем он мечтает — сразу, внезапно, ни за что, — то он наверняка зареет это и предпочтет мечтать заново. Сбывшиеся мечты — это тупик, вроде глухой стены в дальней части магазина. Обратного пути — скучно, вперед идти — некуда.

Дмитрий Емец

Проходя через отдел курток, Мефодий увидел знакомую фигуру. Знакома она была уже тем, что со спины напоминала грушу: мягкая в плечах, к тазу она плавно расширялась. Время от времени обладатель мягкой спины останавливался и, глядя в сторону, будто случайно касался то одной, то другой куртки.

Убедившись, что к знакомой спине и голова приставлена знакомая, Мефодий подкрался и хлопнул Ромасюсика по плечу.

Шоколадный юноша — а это действительно был он — по-девичьи вскрикнул, подпрыгнул от неожиданности, что-то уронил и тотчас наступил на это ногой. Меф успел увидеть открытый нож-бабочку с лезвием не длиннее безымянного пальца.

— Фуй! Как ты меня напугал! Буслаев, чего ты вечно подкрадываешься, как кошка? — набросился Ромасюсик на Мефа.

— Зачем тебе нож?

— Да так, — сказал Ромасюсик, быстро наклоняясь и поднимая его.

Рассмотрев одну из курток, Меф обнаружил, что она прорезана насквозь, включая подкладку.

— Гадишь? — спросил Меф.

Ромасюсик застенчиво свел вместе ручки и показал пальчиками расстояние сантиметров в пять.

— Совсем чуточку! — произнес он тоном барышни, которая признается, что вчера без спросу взяла у дедушки вишенку.

— Зачем?

Ромасюсик сам не знал, почему он гадит. Видимо, сам вопрос «зачем?», заданный себе вовремя, уменьшает количество дурости в десять раз.

Из отдела курток они попали в отдел сумок. Ромасюсик топтался рядом, лез с советами и уходить никуда не собирался. Меф не мог ничего выдать и злился на себя, жалея, что подошел к нему. Пару раз у него возникала мысль, что встреча не случайна. В болтающихся без дела Ромасюсиков он не верил, даже если они и решили чуток погадить для души.

Наконец Меф выбрал сумку с большим количеством отделений и удобными карманами. Сумка была хороша всем, кроме цвета — огненно-рыжего. Меф же любил красный и синий.

— Как поживает Прасковья? — спросил Меф.

— О! О! О! — ответил Ромасюсик, вскидывая глазки к потолку.

Видимо, у него не было слов, как именно поживает Праша.

— Ясно, — сказал Меф.

— Ничего тебе не ясно! — заявил Ромасюсик и принялся жаловаться, как ему тяжело с Прасковьей.

Дмитрий Емец

Есть, мол, незгоисты. Есть эгоисты ситуативные, которые хотя бы пытаются с собой бороться. Бывают эгоисты торгующиеся, любящие честный паритет (ты мне — я тебе). И, наконец, существуют эгоисты до такой степени, что вообще не понимают своего эгоизма. Они привыкли, что солнце светит для них, и реки текут для них, и ветер дует для них. Человек, зараженный таким вирусом, всегда считает, что все ему всем обязаны, он же не обязан никому и ничем. Лигул взрастил из Прасковьи именно такую эгоистку. И он, бедняга Ромасюсик, с ней мучается!

— А ты не эгоист? — спросил Меф.

Ромасюсик скромно потупился:

— Обижаешь! Я один сын у мамочки! Как я могу не быть эгоистом?

— Я тоже один сын у мамочки, — сказал Меф задумчиво.

Услышав об этом, Ромасюсик полез обниматься и пожимать ему руку. Затем вдруг склонил головку набок, сделавшись похожим на толстую птичку:

— Ей что-нибудь передать?

— Праше?

— Да!

— Передавай привет!

— И все? — спросил Ромасюсик разочарованно.

— Все!

— Ну хотя бы большой привет?

Меф мысленно застонал. Он безошибочно ощутил, что большой привет Ромасюсик раздует до размера гигантского.

— Передавай средний привет! — сказал он.

— А большой, значит, не передавать?

— Большой будет на Новый год.

Ромасюсик заинтересовался. Для опытного сплетника это была ценная деталь. Мощное оружие.

— Значит, сказать Праше, что ты напрашиваешься к ней на Новый год? Так, да?

— Слушай, сгинь, а?! — вспыхнул Меф.

Шоколадный юноша даже не попытался оскорбиться. Обижалка включалась у него только тогда, когда это было ему выгодно. Да и плюнуть в душу ему было невозможно по причине отсутствия объекта приложения слюны.

— А сам еще здороваться подошел, бяка ты такая! Ну прощевай тогда! Погоуил я: Праша вэйтить не лайкит!

Перед тем как попрощаться с Мефом, Ромасюсик долго обнимал его как старого друга. Меф вынужден был даже хлопнуть его ладонью по почкам, чтобы нежность ходячей шоколадки немного ослабела.

Избавившись от Ромасюсика, Буслаев отправился выбирать подарок матери. В конце кон-